

иных редакций, их датировок и для обнаружения не дошедших в рукописях текстов.

Лицевые рукописи и клейма икон могут помочь в изучении древнерусского читателя, понимания им текста, особенно переводных произведений. Миниатюрист как читатель иллюстрируемого им текста — эта тема исследования обещает многое. Она поможет нам понять древнерусского читателя, степень его осведомленности, характер понимания, точность проникновения в текст, тип историчности восприятия и многое другое.

Необычайно сложны, как оказывается, древнерусские иллюстрации к Псалтири, в которых вскрывается несколько аспектов восприятия этого произведения миниатюристом: реально-исторический, символический, «преобразовательный» и др. Иллюстрации служат своеобразным комментарием к произведению, причем комментарием, в котором использован весь арсенал толкований и объяснений.

Жизненное наблюдение очень часто отражалось в произведениях изобразительного искусства не непосредственно, а через литературный источник, через сюжет, уже отразившийся в письменности, оно подчинялось слову. . .

В силу своей связи с письменностью изобразительное искусство Древней Руси во многом зависело от развития письменности. Чем больше появлялось произведений на темы русской истории, русских житий святых, русских бытовых повестей, тем чаще отражалась в живописи русская действительность.

Даже зодчество находилось в некоторой зависимости от словесных произведений. Известны случаи построек по литературным источникам. Борис Годунов задумал, например, построить храм, который «своим видом и устройством походил бы на храм Соломона. . . Мастера тотчас же принялись за работу, причем обращались к книгам Священного Писания, к сочинениям Иосифа Флавия и других писателей».¹

Но связь с действительностью осуществлялась не только по линии сюжетов и объектов изображения. Эта связь выражалась и в идеологии художника, а эта идеология в свою очередь оказывалась не только продиктованной положением художника в обществе и состоянием этого общества, но и обусловленной письменными источниками — публицистикой и литературой, еретическими движениями, которые не могли существовать без еретической литературы, без мысли, воплощенной в слове.

Трудно установить во всех случаях первоисточник: слово ли предшествует изображению или изображение слову. Во всяком случае и последнее нередко.

Темы изобразительного искусства занимают необычно большое место в литературе Древней Руси. Я уже не говорю о многочисленных сказаниях об иконах (эти сказания сами по себе составляют целый литературный жанр, в свою очередь разделяемый на поджанры), об основании храмов и монастырей, в которых содержатся описания и оценки произведений архитектуры и живописи. Само творчество художников или их произведения становились нередко объектом литературного рассказа (Сказание о новгородской варяжской божнице, Сказание о фреске Пантократора в куполе Софийского собора, Повесть о посаднике Щиле, повесть «О чудном видении Спасова образа Мануила, царя греческого» и др.). Один из излюбленных мотивов древнерусской литературы — мотив оживающих

¹ Сказания Массы и Геркмана. СПб., 1874, стр. 270; ср.: Исаак М а с с а. Известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 63. О воздействии литературы на искусство см.: А. К и р п и ч н и к о в. Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной. Труды VIII Археологического съезда в Москве. Т. II, М., 1895.